

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. Е. Супрун

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ**

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2020

ISBN 978-985-566-917-4

©БГУ, 2020

УДК 811.16'373
ББК 81.41-315.5

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Н. П. Андронов*;
доктор филологических наук *А. А. Кожина*

Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков [Электронный ресурс] / А. Е. Супрун ; предисл. Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-985-566-917-4.

На основе выдвинутого автором понятия «тип лексикона» излагается программа комплексного типологического сопоставительного анализа лексики славянских языков, намечаются основные направления, по которым целесообразно типологическое сопоставление лексики, и даются примеры реализации такого сопоставления по отдельным направлениям, не освещавшимся ранее.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше;
RAM 1 Гб; Windows XP/7/10; Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe InDesign.

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*. Дизайн обложки *Т. Ю. Таран*.
Технический редактор *Л. В. Жаборовская*. Компьютерная верстка *Д. О. Бабенко*.

Подписана к использованию 31.07.2020. Объем 588 КБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib/bsu.by/>

Содержание

Предисловие (Е. Н. Руденко)	4
Сокращенные обозначения языков	6
Лексическая типология славянских языков	7
Библиографические ссылки	44

Предисловие

Адам Евгеньевич Супрун – советский и белорусский лингвист, славист, доктор филологических наук (1966), доктор педагогических наук (1981), профессор, заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (БГУ), заслуженный деятель науки БССР (1990) – родился 24 октября 1928 г. в Полтаве. А. Е. Супрун учился в Киргизском университете, который окончил в 1952 г. В 1955 г. в Московском университете имени М. В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, а в 1966 г. в Ленинградском университете – докторскую.

В том же 1966 г. ученый переехал в Беларусь в город Минск и в Белорусском государственном университете организовал и возглавил кафедру общего и славянского языкознания, на которой проработал всю жизнь – более 30 лет. А. Е. Супрун был инициатором создания в Беларуси университетской славистики: на филологическом факультете БГУ преподаются все славянские языки, с 1993 г. открыта специальность и отделение «Славянская филология».

Вторую докторскую диссертацию на учёную степень доктора педагогических наук Адам Евгеньевич защитил в Минске в 1981 г.

Профессора Супруна приглашали для чтения лекционных курсов и выступлений с докладами университеты и научные учреждения Австрии, Болгарии, Венгрии, Дании, Испании, Люксембурга, Польши, Словакии, Словении, США, Финляндии, Хорватии, Чехии, не говоря уже о странах СНГ. Он участник международных съездов славистов с 1958 года, затем и конгрессов МАПРЯЛ, а также множества международных научных конференций, лауреат международной медали МАПРЯЛ имени А. С. Пушкина и член Белорусского комитета славистов.

Ученый выделялся энциклопедической широтой научных интересов. В славистике он остается признанным авторитетом в этимологии, поллабистике, лексикологии и лексической типологии славянских языков, психолингвистике, лингводидактике, лингвистике текста. Под руководством А. Е. Супруна были созданы ассоциативные словари белорусского, украинского, киргизского, латышского языков, а также комплекс из пяти частотных словарей разных стилей белорусской речи.

Лексика всегда была среди приоритетных интересов профессора Супруна – во многих областях лексикологии и лексикографии он был для своего времени новатором, например в роли главного редактора упомянутых выше частотных и ассоциативных словарей. А. Е. Супрун инициировал применение математических и статистических методов в лексикологии – под его руководством выросла целая когорта коллег, применявших новые методы исследования лексики: Б. А. Плотников, А. М. Калюта, В. А. Карпов и др. Работы этих ученых представлены в книге, которую и сегодня преподаватели-лингвисты активно рекомендуют студентам, магистрантам, аспирантам для работы с лексическим материалом, – «Методы изучения лексики» (под ред. А. Е. Супруна. Минск : Изд-во БГУ, 1975). В книге представлены статьи и самого Адама Евгеньевича: «Лексическая система и методы ее изучения» и «Сопоставительно-типологический анализ лексики».

Брошюра «Лексическая типология славянских языков» совмещает лексикологические и славистические интересы профессора Супруна. Работа была впервые издана в 1983 г. и ранее не переиздавалась, однако практически все в ней актуально и сегодня.

Автор выделяет параметры для характеристики лексиконов и подробно исследует славянские языки (в том числе и микроязыки) по этим параметрам: объем лексикона; доля самых частых слов в тексте; мера сходства и различия лексических составов; членение словаря на части речи; морфемная структура лексики и способы словообразования; степень семантического подобия частотных лексем; характер и содержание различного рода семантических группировок («семантических групп», «семантических микросистем» и т. п.), в частности, специфика гипо-гиперонимических отношений в организации лексических группировок; стилистическая стратификация лексики; данные об ассоциативных связях слов; лексическая сочетаемость. Эти параметры суммированы в самой работе на с. 35–36.

Оставаясь ведущим славистом, А. Е. Супрун искал материал для своих исследований в генеалогически и типологически различных языках. Его работы издавались на всех славянских, киргизском, узбекском, немецком, дунганском и японском языках: он является автором более 600 публикаций, в том числе более 60 книг и брошюр.

Адам Евгеньевич Супрун умер 18 августа 1999 в Минске. Он был выдающимся педагогом, основателем научной школы, Ученым и Учителем.

*Е. Н. Руденко,
доктор филологических наук*

Сокращенные обозначения языков

- англ. – английский
- бел. – белорусский
- болг. – болгарский
- вл. – верхнелужицкий
- кирг. – киргизский
- м. – македонский
- нл. – нижнелужицкий
- п. – польский
- р. – русский
- сл. – серболужицкий
- слн. – словенский
- слц. – словацкий
- с.-х. – сербско-хорватский
- у. – украинский
- ч. – чешский

Лексическая типология славянских языков¹

Типологическое изучение языков включает в себя, с одной стороны, выявление общих свойств языков, универсалий, а с другой определение комплексов отличительных свойств языков, позволяющих установить некоторые типы языковых структур и типы языков по их внутренним качествам или по их функциональному использованию. Целенаправленное исследование типов языковых структур в настоящее время привело к установлению ряда более или менее четких типов грамматического (морфологического и синтаксического) устройства языков, типов звукового строя языков (а в частности, организации вокализма и консонатизма), типов функционального использования языков (ср. такие характеристики, как мировой язык, язык межнационального общения, национальный язык, литературный язык, диалект, говор).

Можно представить себе, что характеристика типа языка по тому или иному фрагменту его устройства будет строиться на основании одного, признанного наиболее существенным, признака. Так, противопоставление *дж – ж – д – ч – с – й* в рефлексах одних и тех же родственных слов тюркских языков послужило основанием для одной из ранних классификаций этих языков. Белорусские говоры классифицируют иногда на твердо-эрые и мягко-эрые в зависимости от наличия или отсутствия мягкой фонемы [p'] в них. Однако ценность таких классификаций ограничена: она может оказаться полезной либо для исследования некоторого отдельного явления, например судеб того же /p/ в славянских языках, либо при условии, что другие признаки в той или иной мере имплицитно известны тем, кто использует данную классификацию, а данный признак является лишь ярлыком комплекса признаков, характеризующих тип.

Ценность отнесения языка к тому или иному типу тем выше, чем больше учитывает классификация совокупность языковых фактов, составляющих данную область языка. Именно в этом случае понятие типа как достаточно общей характеристики языка приобретает определенную самостоятельную

¹ Публикуется в соответствии с изданием: *Супрун А. Е.* Лексическая типология славянских языков. Минск : Изд-во БГУ, 1983.

ценность: отнесение языка к тому или иному типу действительно определяет его свойства. Поэтому при определении типа языка целесообразен и полезен комплексный учет ряда факторов, составляющих или детерминирующих данный аспект, данную подсистему языкового устройства. Как было показано Н. С. Трубецким, даже такие относительно простые языковые подсистемы, как вокалические, должны классифицироваться с учетом разных подходов: и числа гласных, и их конкретного состава, и того, как противопоставляются они друг другу (т. е. какие признаки используются для противопоставления гласных и какие подклассы гласных образуются в системе противопоставлений) [Трубецкой 1960, 106–141]. Тем более необходим комплексный подход при характеристике морфологического устройства языков и других более сложных подсистем языка.

Можно предполагать, что некоторые типологические характеристики языка взаимосвязаны. Так, легко можно раскрыть связи между чертами морфологического и синтаксического характера, хотя и нет уверенности в том, что эти взаимосвязи означают сводимость одних признаков к другим. Вполне вероятно, что признак *A* лишь допускает наличие признака *B*, но не обуславливает его, а, следовательно, указание на наличие одного из признаков отнюдь не означает наличия другого признака. Тем более сложны вопросы о взаимоотношении типологических характеристик грамматического и фонетического планов. Хотя и не исключается связь между ними, нельзя предполагать здесь четкую взаимную зависимость. И потому едва ли возможна такая типологическая характеристика, которая бы позволила сколько-нибудь исчерпывающе определить язык принадлежностью его к некоторому абстрактному типу (например, типу № 9 или типу № 247). Многообразие языков мира, обусловленное спецификой истории и жизни носителей каждого языка, с одной стороны, и спецификой развития различного исходного языкового материала – с другой, свидетельствует скорее в пользу предположения о том, что наиболее вероятной и содержательной типологической характеристикой языка будет разносторонняя характеристика, определение типов языка в различных аспектах.

Среди других понятий типологической лингвистики, полезных для изучения славянских языков, следует отметить понятие типа лексикона. При значительной близости грамматической структуры большинства славянских языков они различаются по звуковому строю, а также по лексике, составляя группировки, не совпадающие с основными генетическими группами славянских языков. Дело в том, что становление лексикона современного языка есть длительный исторический процесс, в котором отражаются как внутренние особенности развития соответствующего народа и его культу-

ры, специфические черты развития данного языка, так и внешние контакты языка. Тип лексикона характеризуется качественно разнообразием составляющей его лексики в семантическом, стилистическом, грамматическом отношениях, количественно в отношении объема и статистической стратификации словаря, а также морфемной структурой и словообразовательными потенциями лексики, ее сочетаемостью и некоторыми другими факторами. В связи с этим важно сопоставительное и типологическое изучение лексики славянских языков комплексного характера. Для комплексного сопоставительно-типологического анализа славянской лексики могут быть применены методики дистрибутивные, компонентные, квантитативные, психолингвистические, причем существенно соотносению получаемых результатов. Специфика лексикона одного из языков определяется пересечением различных показателей, а сравнение комплекса показателей позволит лучше выявить типологические взаимоотношения лексиконов славянских языков.

Общеизвестно, что типологические характеристики звуковых систем и подсистем начинают обычно с констатации их количественного состава (ср.: трехфонемный, пятифонемный, семифонемный и т. п. вокализм). Вполне естественно, описывая тип лексикона, также начинать с определения его объема. Очевидно, что объем лексикона является важнейшим показателем его типологических свойств. Так, не может быть сомнения, что многосоттысячные лексиконы таких современных литературных языков, как английский или французский, резко отличаются от лексиконов многих бесписьменных языков (а как известно – бесписьменных языков больше, чем имеющих письменность) в чисто количественном отношении. Вполне естественно, что лексикон языка, на котором не осуществляются образовательные функции (нет школы) или же осуществление это тем или иным способом ограничено (не ведется обучение на данном языке в старших классах средней школы или в высшей школе), не будет иметь в активе многих слов, связанных с теми областями знания, которыми занимаются дети в школах. Ясно, что, если на каком-то языке не пишутся научные работы, в каких-то областях и не читаются по этим проблемам лекции и доклады, он не будет иметь на данном этапе соответствующей терминологии. Иной вопрос, что все это не фатальная и непреодолимая грань. При определенных условиях соответствующие фрагменты лексикона могут быть и будут разработаны; но вместе с тем в тот или иной конкретный момент этих областей лексикона в данном языке может просто не быть. И это существенно для характеристики языка.

Определение объема лексикона наталкивается, однако, на серьезные трудности. Далеко не все языки мира имеют словари, а если имеют, то раз-

лична степень их полноты по отношению к реальному лексикону носителей языка. Известно также, что попытки установления лексикона индивида обычно дают различные цифры не только в зависимости от объективных различий обследуемых индивидов, но и в силу субъективных различий методик, используемых при обследовании. Применительно к славянским языкам названная трудность проявляется в разных аспектах. Прежде всего, приходится указать на неполноту имеющихся для славянских языков словарей. Известно, что даже крупные академические словари так или иначе ограничивают свои словники: не включают в них легко производимые слова, такие как соотносимые с прилагательными наречия на *-о*, отглагольные существительные на *-ние* в русском языке, собственные имена и образованные от них прилагательные и т. п., термины, которые признаются узкоспециальными, и слова, получающие квалификацию редких, устаревших, диалектных. Кроме того, большая часть славянских словарей может быть скорее отнесена к словарям среднего объема, а не к большим словарям. В связи с этим показательно, что, например, составители пятитомного словенского словаря, который включит 110 тыс. слов, пишут: «Из всего материала для демонстрации в словаре отобрана приблизительно треть заглавных слов» [Slovar slovenskega knjižnega jezika 1970, s. XII]. Сложность, однако, не только в неполноте, но и в трудносравнимости материала: принципы отбора, принятые в одних словарях, не соответствуют принципам, используемым в других, а потому сравнение имеющихся данных затруднено. Дело, наконец, в неодинаковой лексикографической разработанности различных языков: имеется, например, по несколько крупных толковых и переводных словарей русского, польского, чешского, сербско-хорватского языков, но нет толкового словаря серболужицких языков, а для македонского мы располагаем лишь средним «Словарем македонского языка с сербско-хорватскими толкованиями». Тем не менее имеющиеся данные позволяют дать некоторые сведения о лексиконах славянских языков с точки зрения их объема.

Эти сведения базируются отчасти на сведениях, указываемых в предисловиях, послесловиях, на титульных или последних листах, а также суперобложке словарей, а отчасти на основании примерных расчетов, проведенных специально с этой целью. Если учесть сделанные оговорки относительно трудностей сравнения приводимого материала вследствие его неполноты и неоднотипности, можно все же сделать некоторые выводы. Во-первых, большая часть словников крупных словарей современных славянских литературных языков близка по объему и составляет величину от ста до полутора тысяч словарных статей. Исключение составляет чешский восьмитомный словарь, отличающийся, видимо, большей полно-

той, нежели другие славянские словари; начатый многотомный болгарский словарь также, возможно, включит в свой состав до 200 тыс. слов. Более 200 тыс. слов включал знаменитый русский словарь Даля, вышедший 120 лет тому назад, хотя в него и не попали большие фонды терминологической лексики, а также множество новых слов, появившихся с тех пор. Очевидно, нормализаторские установки и стремление к экономной подаче материала, отказ от исторического и диалектного материала определенным образом ограничивает словники словарей славянских литературных языков (в отличие, например, от англоязычной лексикографии, где по крайней мере 4 крупнейших словаря включают свыше 400 тыс. слов). Названный объем словника – 150 тыс. слов $\pm$ 30 % отвечает, видимо, тем потребностям общения, которым служат современные развитые литературные языки. С этим, думается, связан аналогичный объем словника ряда словарей многих других развитых литературных языков – английского, немецкого, французского, испанского и др. Ясно вместе с тем, что этот объем не исчерпывает собой весь лексикон развитого языка, если включить в него шире терминологические, исторические и диалектные материалы, а также зарегистрировать в словаре свободно образуемые новые слова, находящиеся на грани статуса форм имеющихся слов. Об этом свидетельствуют и объем чешского словаря, и объем словаря Даля, и объем большого русско-чешского словаря в 6-ти томах 1952–1964 гг. (137 792 слова) и другие прямые и косвенные данные.

Наиболее значительные отклонения от приведенных фактов – объемы македонского и серболужицких словарей. В первом случае следует учесть то обстоятельство, что словарь составлялся в период второго десятилетия активного существования македонского литературного языка. Можно думать, что в какой-то мере объем словника еще не был накоплен для этого нового литературного языка, что и обусловило, наряду с отказом от узкотерминологической лексики, его размер. Во втором случае можно указать, что приведенный на суперобложке объем верхнелужицко-польского словаря совпадает в основном с объемом выпущенного в прошлом веке верхнелужицко-немецкого словаря Христиана Пфуля (1866); объем двух других крупных современных верхнелужицких словарей – верхнелужицко-немецкого Ф. Якубаша и верхнелужицко-русского К. К. Трофимовича менее 40 тыс. слов. Также не достигают объема словаря Арношта Муки другие имеющиеся нижнелужицкие словари. Разумеется, возможно, что серболужицкие словари могли бы быть несколько пополнены за счет реально существующих, но в силу тех или иных причин не зарегистрированных в них слов. Необходимо, однако, учесть, что функциональная ограниченность серболужицких литературных языков (отсутствие учебно-научной литера-

туры за исключением историко-филологического серболужицкого цикла, ограниченность использования языка главным образом региональными рамками в общественной жизни и т. п.), а также небольшое число говорящих при несильной диалектной раздробленности и относительной однородности занятий не могут не отразиться на объеме словаря. Вероятно, допустимо считать на данном этапе объем словаря серболужицких языков существенно меньшим, чем объем словаря других славянских языков. Таким образом, по этому признаку тип лексикона серболужицких языков специфичен.

Таблица 1

Язык	Название словаря	Объем словаря
Белорусский	Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : в 5 т., 6 кн. Мінск, 1977–1984	свыше 100 тыс.
Русский	Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. – Л., 1950–1965	120 480
Украинский	Словник української мови : в 11 т. Київ, 1970–1980	137 109
Польский	Słownik języka polskiego : в 11 т. Warszawa, 1958–1969	около 125 тыс.
Чешский	Průruční slovník jazyka českého : в 8 т., 9 кн. Praha, 1935–1957	около 250 тыс.
Словацкий	Slovník slovenského jazyka : в 6 т. Bratislava, 1959–1968	около 125 тыс.
Верхне-лужицкий	H. Zeman. Słownik górnołużysko-polski. Warszawa, 1967	свыше 46 тыс.
Нижне-лужицкий	Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка. Петроград – Прага, 1921–1928. 2 т.	около 40 тыс.
Словенский	Slovar slovenskega knjižnega jezika : в 5 т. Ljubljana, 1970–...	примерно 110 тыс.
Сербско-хорватский	Речник српскохрватскога књижевног језика в 6 т. Нови Сад-Загреб, 1967–1976	143 252
Болгарский	Речник на българския език (многотомный). София, 1977–...	примерно 170 тыс.
Македонский	Речник на македонскиот јазик : в 3 т. Скопје, 1961–1966	64 522

Объем лексиконов славянских литературных микроязыков трудно сопоставим вследствие недостаточной разработанности лексикографических источников. Можно отметить, что подготовленный градищанско-хорватский

словарь включает 40 тыс. слов, имеющиеся два русинских словаря – терминологический и прикнижный в «Правописании русинского языка» М. Кочиша – включают вместе около 20 тыс. слов, а готовящийся сербско-хорватско-русинский словарь рассчитывается на 80 тыс. слов, но составители его сталкиваются с определенными трудностями, связанными с подысканием русинских эквивалентов сербско-хорватским словам [Звити 1981]. По-видимому, объем лексикона микроязыка в принципе существенно меньше, чем объем лексикона типичного славянского литературного макроязыка в силу тех же причин, о которых говорилось в связи с рассмотрением объема серболужицких словарей. Сравнительно большой объем планируемого русинского словаря может быть связан отчасти с исходным сербско-хорватским материалом, отчасти с тем, что на русинском функционирует средняя школа и издаются учебники, т. е. его функции приближаются к функциональной характеристике более крупных языков. Для других славянских микроязыков мы не располагаем лексикографическими данными достаточной полноты; словари имеют нередко дифференциальный характер и включают по несколько тысяч слов.

В связи с изучением типа лексикона представляет значительный интерес изучение лексиконов славянских диалектов, а также не имеющих письменности языков. На практике эта идея наталкивается на очень существенные затруднения. В диалектах, не оторванных от основного массива носителей языка, широко происходит взаимодействие с литературными языками и другими диалектами, а потому даже решение вопроса о принадлежности слова к диалекту оказывается непростым. Диалектные словари большей частью строятся как дифференциальные. Лишь для немногих случаев располагаем мы недифференциальными диалектными словарями.

В двадцатые годы, когда лексические нормы белорусского языка еще складывались и невозможна была четкая дифференциация литературной и диалектной лексики, М. В. Шатерник составил на базе родного диалекта с некоторыми добавлениями «Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны» (Минск, 1929), включивший в себя 9–10 тыс. словарных статей. Менее показательны в отношении объема лексикона два других словаря из той же серии: витебский региональный словарь М. И. Касперовича и региональный словарь Восточной Могилевщины И. К. Белькевича. Первый включает около 10 тыс. слов, собранных в значительном регионе разными информантами; однако он не претендует на полноту, не рассматривая, в частности, слова, признаваемые за русизмы. Другой содержит несколько менее 20 тыс. заглавных слов, но отражает как отдельные слова многие фонетические варианты лексем и тоже ориентирован на целый регион.

Другой известный недифференциальный словарь славянского говора – это словарь банатского говора болгарского языка, оторванного в течение длительного времени от основного массива болгарского языка, составленный Ст. Стойковым. Этот словарь содержит 8711 лексем, но не включает узкоспециальные профессионализмы ремесленников [Стойков 1968, 31].

«Поморский (померанский) словарь», составление которого было начато Ф. Лоренцом, а теперь завершается Ф. Гинце, охватывает лексические данные по кашубским и сопредельным говорам, собранные в течение полутора лет, данные печатных источников кашубского литературного языка, а также современные данные (в том числе и материалы словаря Б. Сыхты). В этот словарь по примерным подсчетам войдет до 80 тыс. словарных статей, в том числе ряд статей, отражающих фонетические варианты слов (к примеру, 5 статей на слово «миллион»). Это, видимо, максимальное количество слов, которые можно было собрать для данного языка. Но даже если принять едва ли заниженную цифру в 60 тыс. слов, ясно, что лексикон этот существенно меньше, чем объем больших славянских словарей литературных языков.

Таким образом, лексикон отдельного говора, не имеющего своей письменности, насчитывает около 10 тыс. слов. Даже если считать, что за счет неполноты фиксации материала эта величина могла бы увеличиться в два раза, объем лексикона отдельного говора в два-три раза менее объема лексикона даже ограниченных функционально серболужицких языков и во много раз менее объема лексикона современного развитого национального литературного языка. Правда, совокупные данные по многим говорам могут значительно увеличить объем словаря региона, однако и в этом случае, как показывает пример с очень большим охватом языковых фактов в словаре Лоренца, количество лексем в лексиконе совокупности диалектов, не поднявшейся до уровня национального литературного языка, притом охватывающей не слишком большие массы носителей языка, оказывается существенно, в несколько раз меньшим, чем количество лексем в современном развитом национальном языке. Тем самым подтверждается мысль о значимости количественной оценки объема лексикона как типологического показателя.

Применительно к славянскому материалу можно, видимо, говорить о трех основных типах языков по количественной оценке словника. Во-первых, это бесписьменные (или «малописьменные» – как это можно говорить о банатском говоре) языки и диалекты, объем словаря которых, видимо, составляет десять – двадцать тысяч слов. Во-вторых, это языки, имеющие разнообразные, хотя и ограниченные, социальные функции, иногда более или менее развитую

литературу, примером чего может служить верхнелужицкий язык; объем лексикона языков этого типа составляет величину порядка пятидесяти тысяч слов. Наконец, третий тип – современные развитые национальные литературные полифункциональные языки (практически не ограниченные в своем функциональном использовании); объем лексикона этого типа достигает, видимо, 100–200 тыс. слов. Разумеется, такая типология не может иметь жесткого характера, а приводимые цифры в определенной степени условны и приблизительны: они характеризуют не столько конкретную величину, сколько ее порядок. Важно также учесть динамический характер лексических систем: то, что было действительно сто, пятьдесят лет тому назад, может быть не вполне точным сегодня, а то, что характеризует тип лексикона сейчас, может измениться в будущем. Это, конечно, применимо к любым явлениям языка, но особенно ярко для подвижного и развивающегося словаря. В связи с этим, видимо, следует иметь в виду, что тип может быть представлен скорее в тенденции, а не в полной реальности; названные три типа представляют лишь обобщение, а живая реальность гораздо богаче и в принципе можно было бы говорить о большей или меньшей степени выявленности свойств данного типа у того или иного языка.

Количественная характеристика лексикона не ограничивается, разумеется, числом составляющих его слов. Определенный интерес представляют и другие количественные параметры, характеризующие лексикон. К сожалению, состояние частотной лексикографии славянских языков далеко еще от совершенства. По многим языкам мы не располагаем пока что частотными словарями, а потому естественно, что частотно-типологические характеристики лексиконов даются только по тем языкам, для которых имеются частотные словари; к сожалению, по южнославянским языкам такими словарями мы не располагаем вообще. Кроме того, имеющиеся словари не всегда дают сопоставимые данные, поскольку характеризуют различные жанрово-стилевые совокупности текстов. Наконец, методика типологического сравнения языков по лексико-частотным данным не разработана, а потому здесь представлен в основном один подход – расчет доли наиболее частых слов в тексте. Не менее интересен был бы и подсчет доли редких, единичных слов в тексте, но это наталкивается на трудности, связанные с разными методиками подсчета и представления материала в словарях разных языков. Вообще, хотя имеются уже сотни или тысячи частотных словарей различных языков, общая теория частотной (статистической) структуры лексикона еще не ясна, не установлено, и каково соотношение между стилями в рамках языка, и каковы соотношения между частотными параметрами лексики различных языков.

Доля самых частых 10 и 100 слов в тексте на материале белорусского, русского, украинского, чешского, словацкого и польского языков [Мажэйка, Супрун 1976, 1979, 1982; Частотный словарь русского языка 1977; Частотный словник сучасної української художньої прози 1981; Jellnek, Ве́ска, Těšitelová 1961; Mistrik 1969; Lewicki, Maslowski, Sambor, Woronczak 1972; Kurcz, Lewicki, Sambor, Woronczak 1974] не характеризуется, как видно из таблицы 2, значительными колебаниями. Десяток наиболее частых слов текста занимает в большинстве обследованных языков меньше одной пятой слов текста: наибольшую долю занимает десяток в белорусских текстах (0,200), наименьшую – в украинских (0,171). Наиболее частая сотня слов занимает примерно две пятых всех слов текста; как и в случае с десятком, наибольшую долю занимают высокочастотные слова в белорусском (0,426), а наименьшую на этот раз – в польском (0,380). В определенной мере высокая доля белорусских частотных слов может объясняться тем, что в белорусской (и в русской) прозе доля наиболее частых слов довольно высока (наиболее частотный десяток слов соответственно занимает 0,229 и 0,233 текста), а проза составляет одну треть белорусской выборки, в то время как в польской выборке художественная проза не представлена. И все же колебания в доле наиболее частых слов в обследованных славянских словарях не очень значительны – в пределах 10 % от средней. Как обстоит дело в других языках, насколько эти данные характеризуют язык вообще, а насколько – славянские языки? Первый десяток самых частых слов в английских текстах составил 0,237 от обследованных текстов, в немецком – 0,196, в румынском – 0,209, в испанском – 0,301, в латышском – 0,142. Создается впечатление, что два последних языка значительно отличаются от славянских по текстообразующей способности десяти самых частых слов. Это отмечается и для первой сотни: доля ее для испанского – 0,50, а для латышского – 0,35; английский, в котором доля первого десятка существенно выше, чем в славянских, имеет и более высокий показатель для первой сотни (0,48).

Таблица 2

Язык	Доля самых частых слов			
	10 слов	100 слов	10 существительных	10 глаголов
Белорусский	0,200	0,426	0,0154	0,0278
Русский	0,182	0,414	0,0152	0,0300
Словацкий	0,187	0,415	0,0142	0,0563
Чешский	0,184	0,400	0,0148	0,0522
Польский	0,179	0,380	0,0190	0,0330

Язык	Доля самых частых слов			
	10 слов	100 слов	10 существительных	10 глаголов
Художественная проза				
Белорусский	0,229	0,480	0,0159	0,0371
Русский	0,233		0,0164	0,0324
Украинский	0,171	0,405	0,0180	0,0274
Словацкий			0,0184	0,0720
Чешский			0,0201	0,0555

Можно искать те или иные причины большой доли наиболее частых слов в текстообразовании. К их числу относятся наличие и роль артикля (поскольку артикли занимают ведущие места в частотных списках), развитие аналитизма (поскольку в числе наиболее частотных слов находятся предлоги, передающие в аналитических языках многие межсловесные связи). Едва ли, однако, все сводимо к этим факторам. В определенной мере менее зависим от грамматики такой показатель, как сравнительная частота наиболее частых полных слов. Оказывается, что покрытие текста десятком самых частых существительных (в белорусском в этот десяток вошли слова *год, пан, людзі, час, рука, чалавек, дзень, поле, работа, хата*) мало различается в различных славянских языках: от 14 до 19 промилле; наблюдается некоторое повышение удельного веса частых существительных в текстах художественной прозы, более сильное – в чешском и словацком и менее значительное – в белорусском и русском, что, возможно, связано с тем, что общий материал белорусского и русского частотных словарей по своей жанровой природе ближе к художественной прозе (можно напомнить, что в корпус белорусского частотного словаря кроме прозы пока вошли публицистика и фольклор, но не включена деловая, разговорная и поэтическая речь).

Более значительны различия между славянскими языками в отношении доли текста, покрываемой наиболее частыми глаголами. Она колеблется от 28 промилле в белорусском до 56 промилле в словацком. Если обратиться к текстам художественной прозы, то при общем повышении удельного веса наиболее частых глаголов в основном сохраняются те же пропорции различий: от 27 промилле в украинской прозе до 72 промилле в словацкой. Если учесть, что глагол «быть» выполняет роль как полнозначного слова, так и связки, а также вспомогательного глагола, то становится понятной более значительная текстообразующая способность первых десяти по частоте глаголов в языках, где чаще употребляется связка, западнославянских. Поэтому для получения более сопоставимых данных необходимо учесть особое положение глагола с семантикой 'быть'. Этот глагол занимает в словацком 30 промилле текста, в чешском – 27, в польском – 20, а в белорусском

и украинском – 11, в русском – 12. Другой глагол, грамматически особо значимый ‘иметь’. Доля этого глагола в словацком – 0,0071, в чешском – 0,0070, в польском – 0,0037, в белорусском – 0,0009, в украинском – 0,0014, в русском – 0,0008. Таким образом, доля глаголов ‘быть’ и ‘иметь’ в словацком составляет 37 промилле, в чешском – 34, в польском – 24 промилле текста, а в белорусском, украинском и русском – по 12–13 промилле. Если учесть эти различия, уменьшив долю самых частых глаголов в словацком на $37 - 12 = 25$ промилле, в чешском – на 22 и в польском – на 12 промилле, то условная доля первого десятка глаголов составит в словацком 31, в чешском 30, в польском 21 промилле, что вполне соответствует доле частых глаголов в восточнославянских языках. Тогда тем более обращает на себя внимание повышенный вес частотных глаголов в художественной прозе (причем, видимо, самое низкое промилле в польском может быть связано с тем, что польский представлен научно-популярным и публицистическим стилями, но не имеется данных о польской художественной прозе). С другой стороны, 27 промилле на десяток самых частых глаголов в украинской художественной прозе – это наименьший показатель среди анализируемых языков по художественной прозе, а 42 промилле в словацкой прозе даже после «уравнивания» – самый высокий показатель, к которому, однако, приближается и белорусский показатель – 37 промилле. Целесообразно отметить несколько большую долю глаголов *быць* и *мець* в белорусской прозе (около 16 промилле) в сравнении с белорусскими текстами, представленными в частотном словаре в целом (12 промилле).

Для выяснения меры сходства и различия лексических составов славянских языков были произведены два демонстрационных эксперимента. В первом из них были отобраны по частотному словарю белорусского языка (взятого за исходный) 20 самых частых глаголов и существительных (исключены из этого списка глагол *быць* и существительное *пан*; глаголы *казаць* и *сказаць*, *ісці* и *пайсці*, а также *стаць* и *стаяць* были объединены). Эти 20 слов, среди которых оказалось 10 глаголов и 10 существительных, сопоставлены по всем славянским литературным языкам (белорусскому, русскому, украинскому, польскому, серболужицкому, чешскому, словацкому, словенскому, сербско-хорватскому, болгарскому, македонскому). Оказалось, что 10 слов (в том числе 4 существительных и 6 глаголов) во всех славянских языках представлены словами того же корня, иногда, правда, с формальными вариациями (ср.: *жыць* – с.-х. *живети*), которые не укладываются в рамки обычных межславянских фонетических или грамматических соответствий [Супрун 1975, 163–170]. Было при этом принято, что если в языке в одном из значений данного слова употребляется однокоренное, то оно

учитывается как совпадающее, хотя и ясно, что, например, для чешского языка *hovořit* – не главное семантическое соответствие белорусского *гаварыць* (главным является скорее *mluvit*), для польского так обстоит дело с эквивалентом *praca* – *robota* – *praca*, а для словенского *лес* в значении ‘совокупность растений’ имеет соответствием прежде всего *gozd* и лишь в значении ‘строительный материал’ имеет соответствием *les*. Любопытно при этом, что такого рода несоответствия потенциального характера все равно реализовались в других языках, а потому и слово *гаварыць*, и слово *лес* не относятся к числу совпадающих для всех славянских языков. На основе сказанного к числу совпадающих могут быть отнесены слова: *даць*, *дзень*, *жыць*, *ісці*, *людзі*, *магчы*, *поле*, *рука*, *стаць/стаяць*, *хадзіць*. Несовпадающими оказались *ведаць*, (р. *знать*, у., с.-х. *знати*, болг. *зная*, м. *знае*), *гаварыць* (п. *tówić*, вл. *řěćeć*, *rjes*, нл. *rjas*), *год* (у. *rić*, п., ч., слц. *rok*, сл. *lěto*, слн. *leto*), *лес* (с.-х. *шума*, болг., м. *гора*), *работа* (ч. *prace*, вл. *džělo*, нл. *žělo*, *proca*, слн. *delo*), *сказаць* (п. *powiedzieć*, *rzec*, вл. *prajić*, нл. *gronić*, ч. *řici*, слц. *povedat'*, слн. *reči*, *dejati*, *praviti*), *хата* (вл. *chěža*, нл. *chyža*, ч. *chyže*, *chyše*, слц. *chyža*, *izba*, слн. *hiša*, *koča*, с.-х. *kuća*, болг. *къща*, м. *кука*), *хацець* (болг. *искам*, м. *иска*), *час* (р. *время*, с.-х., болг., м. *време*), *чалавек* (у. *людина*). 2 несоответствия имеет белорусский с русским (*час*, *ведаць*), по 3 – со словацким (*год*, *хата*, *сказаць*) и украинским (*год*, *ведаць*, *чалавек*), по 4 несоответствия у белорусского с польским (*гаварыць*, *год*, *работа*, *сказаць*), словенским (*год*, *хата*, *работа*, *сказаць*), сербско-хорватским (*час*, *ведаць*, *хата*, *лес*), чешским (*год*, *хата*, *работа*, *гаварыць*), по 5 несоответствий с серболужицкими языками (*гаварыць*, *год*, *хата*, *работа*, *сказаць*), а также с болгарским и македонским (*час*, *ведаць*, *хата*, *хацець*, *лес*). Следует отметить, что, хотя рассматриваемые слова закреплены в различных славянских языках в разных значениях, они вместе с тем по корню известны, хотя иногда специализированы по диалектам. Это видно из приведенных примеров эквивалентов – несовпадений. В принципе можно было бы рассматривать вопрос о сохранении в словаре тех или иных слов, о развитии значения тех или иных слов; вероятно, в этом случае следовало бы исходить не из современного белорусского или какого-то другого словника, а из словника праславянского языка. Это, однако, другой вопрос, требующий других приемов и методов анализа. Наша задача в данном случае скромнее: установить факты межславянских лексических соответствий и несоответствий. Следует подчеркнуть, что решается она в семантическом плане достаточно грубо, на основании значительных исходных допусков. Мы не рассматриваем также проблематику межславянских звуковых, орфографических и графических соответствий, тоже существенных для анализа

межславянских лексических соответствий, а следовательно, и в формальном плане этот эксперимент рассматривается как приблизительный.

Значительно сложнее оказалось при современном состоянии межславянской переводной лексикографии (в частности, для белорусского языка существуют только белорусско-русский переводной словарь и три словаря обратного направления: русско-, украинско- и польско-белорусский словари), а отчасти и лексикографии вообще проанализировать результаты второго эксперимента. Из числа наиболее редких белорусских слов, представленных в частотном словаре художественной прозы по одному разу, были случайным образом отобраны 20 полнозначных слов (среди них – 8 существительных, 7 глаголов, 4 прилагательных и причастия и 1 наречие): *адкалупнуць, атарапець, валасок, вярґіня, гульнуць, завастрыць, запрошаны, імяніны, лапушны, найцвярдзейшы, нязнаны, падвячорак, панадзяваць, патаемнасць, племя, прыметна, рамантызм, спачыць, услон, штыкетнік*. Для этих слов были подобраны эквиваленты в русском, украинском, польском, чешском, болгарском, сербско-хорватском языках. Однако оказалось недостаточно данных в имеющихся прямых и косвенных переводных словарях: белорусско-русском, русско-болгарских, русско-сербско-хорватских, русско-польских и под., а потому наряду с лексикографическими данными привлекались дополнительные информативные источники. При тех же исходных положениях, что и в предыдущем эксперименте, выяснилось, что в русском языке имеется 10 относительно полных соответствий, 6 приблизительных (*георгина, заострить, лопуховый, неизвестный, таинственность, штакетник*) и 4 несоответствия (*приглашенный, неизвестный, полдник, отдохнуть*). В украинском оказалось 15 полных соответствий, 4 приблизительных соответствия и 1 несоответствие. В польском – 10–5–5, чешском – 4–7–9, болгарском – 2–8–10, в сербско-хорватском – 3–7–10. Хотя, учитывая сделанные оговорки о неточности данных эквивалентов, цифры имеют приблизительный характер, они достаточно демонстративны. Во-первых, число несоответствий в данном случае оказывается значительно большим, чем при рассмотрении высокочастотных слов. Во-вторых, как и следовало ожидать, по наличию полных или приблизительных соответствий белорусский ближе всего к украинскому языку, затем – к русскому и польскому, а далее всех из проверенных языков – к сербско-хорватскому, чешскому и болгарскому. В общем и целом это коррелирует, хотя и не в полной мере, с данными по эквивалентам частотных слов.

Подводя итог рассмотрению результатов двух выборочных сопоставлений белорусской и инославянской лексики, следует отметить, что совпадающая (в том числе и частично, приблизительно совпадающая) лексика

составляет в каждой из проб не менее половины, а это свидетельствует о достаточной близости лексиконов славянских языков. Разумеется, более подробный анализ совпадений с учетом как формальных, так и семантических соответствий различной степени точности мог бы дать более основательные результаты при сплошном проведении его на материале различных пар славянских языков. Но пока такой анализ охватил лишь выборочные материалы отдельных пар славянских языков.

Учитывая, что частые слова играют большую текстообразующую роль, нежели слова редкие, можно ожидать, что в тексте доля совпадений лексем в различных славянских языках будет несколько выше, чем в словаре в среднем. Это выявляется при сопоставлении лексем в текстах. Такие сопоставления были проведены для белорусского и русского языков в сопоставлении с болгарским, словенским и польским. Этому посвящен третий из проведенных экспериментов.

В эксперименте болгарский, словенский и польский тексты сопоставлялись с русскими и белорусскими. Десять произвольно взятых фрагментов текстов на болгарском, словенском и польском языках по сто словоупотреблений в каждом пословно переводились на русский и белорусский языки. Болгарский был взят как интуитивно наиболее близкий к русскому из восточнославянских, польский – соответственно, как наиболее близкий из восточнославянских к белорусскому, а словенский – как интуитивно наиболее отдаленный из числа славянских языков от русского и белорусского. Фрагменты текстов и пословные переводы сопоставлялись и устанавливалось три типа соответствий между словами оригинала и их переводами: 1) тождество обеих единиц (с учетом фонетико-графических и грамматических регулярных соответствий); 2) приблизительное соответствие единиц как в плане содержания, так и в плане выражения (в том числе иное словообразовательное оформление и т. п.); 3) различие в плане выражения при естественном в переводе соответствии плана содержания. Примеры соответствий: 1) п. *wysoki* / бел. *высокі* / р. *высокий* / болг. *висок* / слн. *visok*; п., слн. *na* / бел., болг., р. *на*; 2) п. *robotnik* / бел. *рабочы*; болг. *неизбежен* / бел. *непазбежны*; 3) слн. *delavec* / бел. *рабочы, працоўны*. Результаты эксперимента представлены в табл. 3.

Анализ полученных результатов показывает, что доля совпадающей лексики наибольшая в паре польский – белорусский, далее в паре болгарский – русский. Это может быть легко объяснено обстоятельствами сложения лексических систем рассматриваемых языков: значительным старославянским влиянием на болгарский, большим культурным влиянием польского на белорусскую лексику, наличием общих «крэсовых» лексем

в польском и белорусском. Пары «средней» степени близости (польский – русский, болгарский – белорусский) не имели непосредственных языковых контактов, но опосредованно польский (через белорусский и украинский) влиял на русский, а русский не мог не оказать определенного влияния на польский (иногда вместе с другими восточнославянскими); для пары болгарский – белорусский следует учитывать общее на них русское влияние, общие элементы, связанные со старославянско-древнерусскими связями в рамках православной Славии. Хотя при строгом статистическом подходе сходства белорусского и болгарского со словенским не имеют существенных различий, тот факт, что в каждом из фрагментов по сто слов проявляется тенденция к меньшему сходству словенского и белорусского, чем болгарского и белорусского, подтверждает мысль о большем различии белорусского и словенского, а также, что не вызывает статистических сомнений, русского и словенского. Это соответствует интуитивным представлениям и фактам истории словенской и восточнославянской лексических систем [Супрун 1980, 4–11].

Сложный и многообразный лексикон языка должен быть тем или иным способом упорядочен в своей реальной системе, чтобы им можно было пользоваться. Поскольку использование лексикона осуществляется в тексте, а текст строится на основании грамматических правил, естественно, что одна из реальных классификаций слов строится на грамматической основе, перебрасывает мост от лексики к грамматике. Такой естественной классификацией слов по их грамматическим свойствам являются части речи. И при типологической характеристике словаря членение словаря на части речи играет существенную роль [Вопросы теории частей речи 1968].

Таблица 3

Исходный язык	Тип соответствия	Соответствия с языком	
		белорусским	русским
Болгарский	1	358	498
	2	218	182
	2	425	320
Польский	1	558	407
	2	239	220
	3	203	373
Словенский	1	300	286
	2	279	276
	3	421	438

Известно, например, что в некоторых языках первичной синтаксической функцией ряда слов является как роль подлежащего – дополнения, так и роль определения (ср.: кирг. *кӧз айнек* букв. ‘глаз’ + ‘стекло’ означает ‘глазное стекло’ – ‘очки’, а *айнек кӧз* букв. ‘стекло’ + ‘глаз’ означает ‘стеклянный глаз’). В некоторых языках у многих слов совмещаются первичные функции подлежащего – дополнения и сказуемого (ср.: англ. *lift* ‘подъем’ и ‘поднимать’). Часто встречается и совмещение трех первичных функций: подлежащего – дополнения, сказуемого и определения (ср.: англ. *light* ‘свет’, ‘светлый’, ‘зажигать, светить’). Такое положение не может не отразиться на свойствах лексикона, как и наличие некоторых частей речи – грамматических разрядов слов в одних языках при их отсутствии в других языках. Поэтому характеристика словаря с точки зрения функционально-грамматического распределения слов по частям речи имеет прямое отношение к типологии лексикона.

Разумеется, значительная грамматическая близость славянских языков ведет к тому, что в нашем конкретном случае – при рассмотрении лексической типологии славянских языков – роль этого фактора при определении лексического типа не слишком значительна. Однако и для славянских языков показатель членения словаря по частям речи имеет некоторые специфические особенности.

Правда, многие существенные особенности грамматического строя славянских языков лишь в слабой степени отражаются в лексиконе, да и вообще в системе частей речи. Так, к примеру, наличие в болгарском и македонском языках постфикса определенности (артикля) едва ли существенно для грамматической классификации лексики, т. е. для системы частей речи. Ряд явлений грамматики находит отражение не столько в целостной характеристике частей речи, сколько в характеристиках их отдельных свойств. Так обстоит дело, например, с отсутствием инфинитива в болгарском и македонском языках, вызывающем некоторое перераспределение функций глагольных форм. Числительные в болгарском и македонском соотносимы с множественным числом в согласовании со сказуемым, в чешском довольно четко распределены свойства разных числительных, в восточнославянских языках, а частично и в польском имеет место большее сближение свойств разных числительных на базе утраты грамматического числа, но эти и подобные им черты не меняют существа дела: лексическая группировка названий количества и чисел имеет во всех славянских языках некоторые общие свойства, больше или меньше отличающие их от других частей речи.

Таблица 4

Язык	Причастия					Деепричастия		формы на -но, -то
	настоящее время		прошедшее время			настоящее время	прошедшее время	
	действительные на *-nĭj-	страдательные на *-m-	действительные на *-(v)ьъ-	страдательные на *-t-, *-n-	*-l- не в сложных формах			
Старославянский	+	+	+	+	(+)	(+)	(+)	
Русский	+	+	+	+		+	+	(+)
Белорусский	(+)	(+)	(+)	+		+	+	(+)
Словенский	+		+	+	+	+	+	
Чешский	+		+	+		+	+	
Словацкий	+		+	+		+	(+)	
Польский	+			+	+	+	+	+
Украинский	+			+	+	+	+	+
Кашубский	+			+		+		
Болгарский	+			+	+	+		(+)
Серболужицкий	+			+		+	+	
Сербскохорватский				+	(+)	+	+	
Македонский				+	+	+		

Определенный интерес представляет собой картина использования причастий в славянских языках. В несколько схематизированном виде она представлена в табл. 4, где плюсом обозначено наличие соответствующего причастия, а в скобках заключены плюсы в тех случаях, когда использование тех или иных категорий ограничено (как устаревших или как новых). Эти данные могли быть усложнены, если бы учитывались те основы, от которых образуются соответствующие причастия или деепричастия. Общим для всех славянских языков оказывается причастие прошедшего времени страдательного залога, а также деепричастие настоящего времени. Причастие настоящего времени действительное не употребляется в сербско-хорватском и македонском языках. Причастие действительное прошедшего времени

находится в почти дополнительном распределении с причастным употреблением эловых форм, которые есть во всех славянских языках, но используются либо как формы прошедшего времени (в белорусском и русском), либо в составе сложных глагольных форм (например, сослагательно-условных): прошедшее действительное причастие используется в русском, чешском, словацком и словенском, а эловое причастие – в польском, украинском, а также в южнославянских языках (включая словенский). Можно, вероятно, говорить о трех типах дистрибуции причастных форм: первый, наиболее мощный по представленности причастий – русский, под влиянием которого распространяются причастия и в белорусском. Второй – чешско-словацко-словенский, где нет страдательных причастий настоящего времени. Третий – южнославянский, к которому примыкают польский и украинский, где действительные причастия прошедшего времени на *-s-* отсутствуют, но имеются в причастном употреблении эловые формы. Кашубский и серболужицкие дают ту же картину без эловых причастий, а сербско-хорватский и македонский утратили действительные причастия настоящего времени. Интересно отметить, что и южнославянский, и чешско-словацко-словенский, и русский типы в той или иной мере связаны со старославянской традицией, являющейся, возможно, источником закрепления причастий в славянских литературных языках наряду с внутренними потребностями выражения соответствующих категорий мышления и частично западным влиянием.

В системе частей речи в славянских языках можно отметить различное положение кратких прилагательных. Так, если в болгарском и македонском языках главенствующую роль занимают именно краткие прилагательные, а полные (формы на *-и*) употребляются в ограниченном числе случаев и не от всех прилагательных (можно, правда, относить к полным определенные формы типа *белият*), то в польском и серболужицких языках имеется всего несколько прилагательных в краткой форме мужского рода, употребляющихся в функции сказуемых. Белорусский, украинский, словацкий языки примыкают в этом отношении к польскому и серболужицким, хотя в них краткие прилагательные все же более распространены (но не имеют форм косвенных падежей); несколько шире используются краткие в русском языке, правда, преимущественно в сказуемом употреблении. Склонение в этих языках иногда охватывает краткие притяжательные, но нередко при этом формы косвенных падежей оказываются перенесенными из местоименного склонения. В чешском краткие прилагательные склоняются, но образуются лишь от части прилагательных. В словенском и сербско-хорватском языках имеется оппозиция определенных – неопределенных (генетически членных и нечленных) прилагательных, несколько ослабленная

в косвенных падежах в связи с совпадением некоторых форм обоих классов или неупотребительностью других форм; функции неопределенных форм ограничиваются в сербско-хорватском ролью сказуемого и реже употребляются неопределенные в качестве определений. Можно говорить о разных факторах, влиявших на становление данной картины: развитие члена в болгарском и македонском и утрата в них склонения, развитие стяженных форм для женского, среднего родов и для множественного числа в серболужицких, польском, украинском, словацком, интонационная специфика этих стяженных форм в сербско-хорватском и т. д. Но это не может существенно изменить выделения двух типов славянских языков по использованию кратких прилагательных. Первый тип можно охарактеризовать как тип максимального использования кратких. В него входят болгарский и македонский, сербско-хорватский, а также словенский и в известной степени чешский языки. Второй тип – тип минимального использования кратких прилагательных; к этому типу относятся прежде всего серболужицкие языки, польский язык, а также словацкий, белорусский и украинский. Русский язык занимает промежуточное положение между названными типами, по каким-то чертам сближаясь с максимальным, а по другим – с минимальным типом. Следует, конечно, оговориться, что приведенная типология довольно груба, так как она, естественно, не могла учитывать все детали использования кратких прилагательных (важнейшие маркирующие категории здесь: возможность образования кратких от всего корпуса прилагательных или его фрагментов, наличие и распространенность атрибутивной и предикативной функций, наличие особых форм склонения или выключение из системы склонения).

Легко заметить, что типологии славянских языков по употреблению причастий и по использованию кратких прилагательных не совпадают. Вероятно, лишь включение в анализ большего материала – других форм и конструкций – сможет дать более четкую лексико-грамматическую типологию славянских языков.

Одной из самых ярких черт болгарского и македонского языков является отсутствие в них склонения. Эта черта не имеет прямого выхода на грамматическое членение лексикона. Косвенно она, возможно, окажет существенное воздействие на систему частей речи. Речь идет о том, что в этих языках развивается использование беспредложных сочетаний существительных различных типов (ср.: болг. *стадо овце, буца сирене, запас храна, половин час, заход слънце, заместител директор* и др.), которые, с одной стороны, явно прогрессируют в распространении [подробнее см.: Супрун, Плотников 1974], а с другой стороны, являясь показателями аналитизма, говорят о развитии по существу конверсионных процессов в системе частей

речи или о расширении функционального спектра имен существительных. Это явление, однако, пока что находится еще на этапе развития, связанного с развитием аналитизма в различных славянских языках. Поэтому трудно говорить о существенном влиянии его на систему грамматической классификации лексики в славянских языках.

Говоря о частеречевой типологии славянских лексиконов, следует прежде всего констатировать, что принципиально в этом отношении все славянские языки принадлежат к одному типу. Если признать части речи специализированными в грамматических функциях группами слов, характеризующимися пучками грамматических (синтаксических и морфологических) оппозиций, общность которых в конечном счете связана с семантической общностью слов, формирующих часть речи, в русском языке, как и в других славянских языках, могут быть выделены как части речи: существительные (в частности, входят оппозиции несогласуемых рода, числа и падежа), прилагательные (оппозиции согласуемых рода, числа и падежа), местоимения (личные и некоторые другие оппозиции несогласуемых числа и падежа), числительные (оппозиции падежа, для русского и некоторых других языков несогласуемого в прямых падежах и согласуемого в косвенных), глаголы (характерна оппозиция времени и некоторые другие оппозиции), наречия и «категория состояния» (противопоставлены друг другу прежде всего по своей первичной синтаксической функции – непредикативной и предикативной). Особо должны рассматриваться и слова, совмещающие характерные признаки разных частей речи, – причастия и деепричастия (трансгрессивы) [Супрун 1971, 120–121]. Само собой разумеется, что в языках, не имеющих склонения, отсутствует оппозиция падежа, причем для числительных она как бы заменяется способностью управлять специальной счетной формой имени существительного. Различия в данном плане касаются скорее деталей или тенденций, но не типа в целом. Этим, однако, славянские языки противопоставлены многим другим языкам; а потому общность славянских языков по частям речи не препятствует признанию важности этого критерия в типологическом анализе лексиконов.

Одним из факторов, характеризующих систему лексикона, является морфемная структура лексики. Славянская лексика отличается высокой степенью морфемно-структурной близости. Не только способы словообразования – суффиксация, префиксация, словосложение, но и многие конкретные морфемы практически совпадают в славянских языках, являясь рефлексом праславянского единства. Изменяется, однако, как это было видно из предыдущего изложения, распределение морфем: одно и то же значение

передается подчас при помощи различных корней и различных аффиксов, в том числе и имеющихся в запасах данного языка. Так, к примеру, понятие «общество» передается в славянских языках соединением суффиксов *-ств-о* и *-ость* (приводятся в русской форме) с различными основами, соотносимыми с разными корнями, представленными в разных славянских языках (бел. *грамадства*, р. *общество*, у. *громадство*; п. *spoleczeństwo*, ч. *společnost*, слц. *spoločnosť*, вл. *towaršność*, нл. *towarišnosť*, слн. *družtvo*, болг. *общество*, м. *општество*, с.-х. *друштво*); более однотипно, но все же с тремя общеславянскими суффиксами и от двух общеславянских корней образованы названия «растения»: бел. *расліна*, р., болг., м. *растение*, у. *рослина*, п. *roślina*, ч., вл., нл. *rostlina*, слц., слн. *rastlina*, с.-х. *билька*. Понятие «сегодня» передается комбинацией одних и тех же исходных морфем **dьнь*, **sь* в разном порядке и с различными дополнительными морфемами (восточнослав. **sь* + *ogo*: **sego*, м. *-ka*), а также с различными звуковыми изменениями: бел. *сёння*, р. *сегодня*, у. *сьогодні*, п. *dziś*, ч., слц. *dnes*, вл. *džensa*, нл. *žěnsa*, слн. *danes*, болг. *внес*, м. *денеска*, с.-х. *данас*). Подобные межславянские соотношения в морфемной структуре лексикона охватывают, видимо, его большую часть.

В принципе возможно построить типологическое сопоставление славянских лексиконов с точки зрения отражения в них общих и различных морфем для обозначения одних и тех же или близких понятий. В определенной мере подходом к созданию такого типологического исследования могут быть сопоставительные словари того типа, который представлен пока что в полной мере лишь двухтомным «Словарем славянской лингвистической терминологии» (Прага, 1977–1979). Но, разумеется, интерес представляет здесь отнюдь не только терминологическая, но и так называемая общая лексика славянских языков. Решение такого рода типологических задач пройдет, видимо, через исследование отдельных частей славянских лексиконов, возможностей отдельных морфем, способов передачи отдельных деривационных семантических отношений и т. п. Подобные исследования в определенной мере уже проводились, но время обобщенного представления типологической картины, вероятно, еще не пришло.

Более грубое несодержательное сопоставление морфемной структуры лексики славянских языков, проведенное в экспериментальном порядке с извлеченными по случайному принципу равномерно на протяжении всего лексикона из словарей примерно одного объема (около 60 тыс. слов) лексемами белорусского, русского, польского, чешского, болгарского и словенского языков, показало значительные сходства в использовании словообразовательных средств. Так, на 100 лексем, случайно извлеченных из словарей,

отмечено довольно близкое количество слов разного морфемного строения. Эти данные представлены в табл. 5. Они демонстрируют принципиальную близость в использовании аффиксации в славянских языках.

Таблица 5

Язык	Количество слов с морфемами		Количество сложных слов
	Суффиксы	Префиксы	
Белорусский	88	66	6
Русский	80	42	3
Польский	87	46	5
Чешский	87	43	8
Болгарский	86	46	10
Словенский	82	44	5

Нужно остановиться лишь на двух отклонениях. Во-первых, в белорусской выборке оказалось несколько больше, чем в других, префиксальных образований. Возможно, это связано с тем, что взятый для анализа белорусский словарь был несколько большего объема [Белорусско-русский словарь 1962], что и позволило составителям включить в него больше приставочных образований, которые по причине свободной их образуемости не включались в другие славянские словари. Во-вторых, в болгарском, а в известной мере и в чешском представлено несколько больше словосложений; хотя статистически такие данные требуют дальнейшей проверки, а кроме того, надежность количественных данных в этом случае сильно зависит от представленности сложных слов в словарях, можно высказать предположение, что отмеченное расхождение может быть неслучайным и отражать несколько большее использование словосложения в болгарском, а возможно и чешском, языках. Следует отметить, что при подсчетах учитывался лишь морфемный состав слов в той мере, в которой он осознается современными носителями языка, а не словообразовательная история слова, поэтому нередко в слове отмечался и суффикс и префикс, хотя образование данного слова могло происходить при помощи лишь одного средства, а другое было использовано при образовании производящей основы на одном из предшествующих словообразовательных шагов. Надо далее учесть, что в число сложных слов не были включены заимствованные сложные слова типа *стоматология*, *металлург*; можно заметить, что в польской выборке таких слов оказалось столько же, сколько «своих» сложных слов, а в русской и чешской – по одному.

На IV Международном съезде славистов в Москве (1958) А. В. Исаченко подчеркивал значение словообразования (в частности, специфики проявления семантической конденсации) для типологии словарного состава славянских языков [Исаченко 1958]. Дальнейшее углубление сравнительного анализа словообразовательной и морфемной структуры лексики будет способствовать построению и развитию изучения лексической типологии славянских языков, которая вместе с тем не сводится лишь к этому одному аспекту, но основывается на разностороннем подходе к лексике.

Существенным параметром лексической типологии должны быть семантические показания. Известно, что семантическое тождество в лексиконе – явление скорее нетипичное, коль скоро речь идет о «нормальных» словах, а не о научно-технических терминах. Даже вполне эквивалентные по показаниям переводных словарей лексемы сплошь и рядом серьезно различаются по коннотациям.

Можно, к примеру, проследить, как праславянское и общеславянское слово *лес*, одно из самых частых существительных белорусского языка, различается по значению и употреблению в разных языках. Белорусский толковый словарь (как и русский) выделяет следующие значения слова *лес*: 1. Деревья на корню, занимающие значительное пространство; массив земли, поросший деревьями; перен.: большое количество возвышающихся предметов. 2. Спеленные (срубленные) деревья как строительный и подделочный материал. Украинский словарь вычленяет в первом значении слова *ліс* еще дополнительное подзначение: 'определенный участок пространства, поросшего деревьями и кустами'. В польском толковом словаре под словом *las* дается несколько уточненное определение, которое в восточнославянских языках дано под номером 1: 'совокупность древесных растений на определенном пространстве вместе с находящейся на нем флорой и фауной' с добавкой о переносном употреблении в значении 'множество торчащих предметов', а также о переносном же использовании о чем-то буйно растущем. Такое употребление (*лес картофеля*) возможно и у восточных славян, как и включение в значение слова *лес* населяющей лес фауны. Аналогично обстоит дело и в чешском и словацком языках, где словари дают слову *les* несколько различающиеся описания значений, но существо остается тем же самым, а также в серболужицких языках. Существенно отметить, что значение 2 (лес как материал) в западнославянских языках у данной лексемы не представлено. Иначе выступают значения рассматриваемой лексемы в южнославянских языках. В словенском языке *les* – это прежде всего 'материал' и лишь изредка в книжном употреблении 'совокупность деревьев»; при этом слово *gozd* 'совокупность деревьев и поросшее ею место' берет на себя

и переносную функцию обозначать множество торчащих предметов. В сербско-хорватском слово *лес*, *лијес* может обозначать 'совокупность деревьев', но основным обозначением такой совокупности является *шума*. Слово *лес* здесь обозначает лес как материал; вероятно, производным от этого стало значение *лес* 'гроб'. Лексемы *лес* и *шума* могут обозначать множество, но, видимо, в отличие от других рассмотренных языков, это не множество торчащих предметов, а монолитное сплоченное множество. В переносном значении 'партизанские войска', известном и в других славянских языках (в частности, в польском, белорусском), используется лексема *шума*, а не *лес*. Надо отметить, что *шума* может обозначать не только растущий лес, но также срубленные и сухие ветви, листья и т. п. Употребление лексемы *лес* в болгарском языке весьма ограничено. Основное обозначение леса – *гора*. При этом слово *гора* обозначает и пространство с деревьями, и в диалектном использовании древесный материал. В македонских словарях не фиксируется лексема *лес*. Следует заметить, что если бы в структуру значения лексемы *лес* была вовлечена еще форма *леса* (ср.: *строительные леса*, в ряде языков – обозначение плетня, ворот, деревянной решетки и т. п.), соотносимая довольно живо с *лес* в сербско-хорватском, то картина стала бы сложней. О том, насколько сложны семантические отношения лексики на диалектном уровне, свидетельствует не утративший ни методической новизны, ни содержательности этюд о лексеме *гай*, представленный Н. И. Толстым на VI Международном съезде славистов. Рассмотрение значений лексемы *лес* и некоторых ее соответствий в славянских языках показывает, что значение 'совокупность деревьев и территория ею занятая' склонно к расширению по направлению всех трех главных семантических компонентов: компонент 'дерево' перерастает в значение 'материал', компонент 'совокупность' ведет к формированию значения 'множество'. Третий семантический компонент 'пространство, территория' ведет к тому, что соответствующая лексема может обозначать различные объекты, находящиеся на этой территории.

Расхождения в значениях между славянскими языками далеко не единичны. Русское слово *лицо* определяется как 1. Передняя часть головы человека; 2. Индивидуальный облик; 3. Передняя, наружная сторона чего-либо; 4. Личность; 5. Грамматическая категория глагола и местоимения, соотносящая текст с участниками / неучастниками речевого акта. Уже в белорусском языке для передачи этих значений приходится использовать несколько лексем: *твар* (значение 1, отчасти, 2); *аблічча* (2); *особа* (4, 5); *правы, добры бок* (3). В украинском 1 значение передается в основном лексемой *обличчя*, но возможно использование и лексем *лице, вид*; лексема *лице* используется и в 3 значении; в 4 и 5 используется лексема *особа*. В словенском лексема

lice обозначает 'щеки', 'лицевую сторону ткани', 'фасад', 'внешний вид, облик'; значение 'передняя часть головы' присуще скорее лексеме *obraz*, а также *obličje*, хотя как устаревшее оно возможно и для лексемы *lice*; названные две лексемы могут обозначать 'индивидуальный облик', а кроме того, лексема *obličje*, как и рус. *обличье*, может обозначать 'маску', а лексема *obraz*, как и рус. *образ*, обозначает литературный персонаж и может обозначать человека; для передачи 4 и 5 русских значений лексемы *лицо* в словенском используется *oseba*, которая также может иметь значения 'персонаж', 'фигура'.

Аналогичные сложные переkreщения представлены и у соответствий русской лексемы *лицо* в других славянских языках. Так, в сербско-хорватском *лице* имеет практически те же значения, что и русск. *лицо*, а также значение 'фасад' (ср.: *лицо ткани*). Болг. *лице* тоже в основном семантически соответствует русскому *лицо*, но может означать еще 'поверхность' (в геометрии *лице на триъгълник*).

В польском, как и в белорусском, значения русского *лицо* распределяются между разными лексемами *twarz* (1), *oblicze* (2), *osoba* (4, 5). Близкая картина в словацком: *obličaj* (1), *tvár* (1, 2, 4), *osoba* (4, 5), *lice* (3 и 'щеки'), а также чешском: *obličej* (1), *tvář* (1, 2), *osoba* (4, 5), *líc* (3), *lice* 'щеки'.

Наличие такого рода расхождений между славянскими языками показывает возможность типологического подхода к их анализу. В этом плане можно указать на интересные контрастивно-типологические наблюдения над русским и французским лексиконом, осуществленные в работах В. Г. Гака [Гак 1977]. Однако при нынешнем состоянии системного и сопоставительного анализа лексики славянских языков еще не наступило время для подлинно типологического анализа лексиконов славянских языков в семантическом плане. Показателем в лексической типологии могут быть и данные по сравнительному анализу синонимии в различных славянских языках, данные о специфике многозначности в разных языках и/или ее общих чертах. Важным семасиологическим показателем для лексической типологии следует признать характер и содержание различного рода семантических группировок («семантических групп», «семантических микросистем» и т. п.). Так, к примеру, можно показать специфику гипо-гиперонимических отношений в организации лексических группировок (ср. наличие обобщения-целого к словам *день, ночь, утро, вечер* в русском – *сутки*; аналогично в белорусском, в украинском иная лексема – *доба*; отсутствие такого обобщающего слова в словенском; отсутствие в русском обобщающего слова или даже сочетания слов для семантической группы *прошлое, настоящее, будущее*; разные типы обобщений типа *семья и родственник* для слов, входящих

в группу *отец, мать, сын, дочь, брат, сестра и т. п.*). Однако типологический анализ подобных отношений станет реальным при условии, что будут достаточно четко описаны отношения в отдельных языках и сопоставлены данные одного языка с другими славянскими, да и неславянскими языками.

Таким образом, всячески подчеркивая важность семантической структурированности лексики как типологического показателя, приходится вместе с тем конкретное решение соответствующих типологических задач переносить на будущее. Следует при этом иметь в виду, что возможна весьма высокая типологическая близость славянских языков в лексико-семантическом плане, несмотря на наличие весьма серьезных различий при контрастивном анализе конкретных слов, групп слов. Дело в том, что при расхождении в конкретных планах содержания отдельных лексем и их группировках могут оказаться очень близкими принципы построения таких группировок и внутренней структуры семантики многозначного слова. Но и такая гипотеза не исключает наличия определенных различий, которые, например, выявились при сопоставлении системы частей речи в славянских языках, несмотря на ее принципиальное сходство и даже единство.

Значительны различия между языками по стилистической стратификации лексики. Хотя в конечном счете переводчики достигают поразительных степеней соответствия перевода оригиналу, как о том может свидетельствовать, к примеру, блестящий перевод «Кола Брюньона» на русский язык, выполненный М. Лозинским, однако нет полной уверенности в том, что это всегда возможно, а кроме того, если возможно, то не за счет пословной точности.

Внутри славянских языков можно отметить такие специфические стилистические явления, как слой славянизмов в русском литературном языке, как сложные соотношения «разговорных» и «литературных» элементов в чешской художественной литературе и проч. Правда, что касается последнего, то многое здесь находит воплощение не в лексике, а в фонетическом и грамматическом ее оформлении (например, формы с протетическим *v*: *dovopravdy, von, vodešel, vod, vohlasil, vodevdali*, формы прилагательных им. и вин. п. м. р. ед. ч. на *-ej*: *takovej příznivej okamžik* и др. в первой реплике Швейка во второй части романа Я. Гашека), хотя частично охватывает и лексику (ср.: *šizuňk* 'жулик' в той же реплике).

Славянизмы в русском языке исторически тоже меняли свою стилистическую роль; в современном русском она, конечно, не та, что была в XVIII веке, когда славянизмы составляли более яркую стилистическую подсистему, позволяя целые крупные тексты и фрагменты текстов строить в определенном стилистическом направлении. Но и теперь, если обратиться к некоторым жанрам, например к приподнятой публицистике, мож-

но выявить значительную роль славянизмов (см. передовую «Правды» за 24.10.1982 г. «Миру – мир», где, например, во втором абзаце выступает ряд старославянизмов, часть из которых сохраняет стилистическую окраску возвышенности: *страна, веление, ныне*). Можно и теперь привести ряд пар слов, в которых славянизм выступает как стилистически маркированный член: *оградить – огородить, пред – перед, врата – ворота* и т. п. Можно отметить определенную близость стилистической характеристики лексикона, например, в белорусском и украинском языках, хотя в последнем, пожалуй, шире представлена лексика, имеющая поэтическую или вообще высокую стилистическую маркированность.

В определенной мере можно говорить и о более широком сходстве стилистической стратификации лексики в белорусском, украинском, болгарском языках в отличие, например, от русского. Впрочем, такие суждения носят пока неизбежно гипотетический характер, поскольку построение полных стилистически ориентированных описаний лексиконов в сравнительном плане или хотя бы в сопоставимых ключах (с учетом и того, что в реальности не все стилистические нюансы одного языка сопоставимы со стилистическими нюансами другого языка) пока еще относится к будущему [Исаченко 1958, 334–352]. Разумеется, стилистическая характеристика лексиконов современных славянских литературных языков обладает существенными общими чертами, объединяющими ее и со стилистической характеристикой лексиконов других европейских языков, в отличие, например, от ряда языков Востока. Но есть, видимо, и определенные специфические черты, отличающие, скажем, русскую лексико-стилистическую систему от французской (быть может, в большей мере, чем польскую). Все эти соображения свидетельствуют о типологической значимости стилистического расслоения лексикона.

По-видимому, для типологической характеристики лексики могут быть использованы данные об ассоциативных связях слов. В настоящее время имеются ассоциативные словарики (небольшого объема на 100–200 стимулов), подготовленные на польском, белорусском, украинском, русском материалах; а также некоторые данные по болгарскому языку [Kurcz 1967, 122–255; Цітова 1981; Бутенко 1979; Словарь ассоциативных норм русского языка 1977; Дмитрюк 1979, 116–119; Калюта 1978, 53–56]. Эти данные позволяют подойти к проблеме ассоциативной типологии, если к тому же учесть наличие нескольких английских, киргизского, немецкого и французского ассоциативных словариков (в основном того же объема, что и славянские) [Jenkins 1970; Титова 1975]. Вместе с тем соображения в этом направлении имеют пока предварительный характер как из-за небольшого объема словариков, к тому же не полностью совпадающих по словнику, так и из-за недостаточного охвата языков.

Одним из параметров ассоциативной типологии лексики может служить сила ассоциативных связей между словами. Например, этот параметр проявляется в «стандартности» ассоциаций, т. е. в частотности наиболее частой реакции, которая отражает в порядке обратной корреляции и разнообразии ассоциирования (чем более сосредоточены ответы испытуемых вокруг какой-то самой частой реакции, тем, как правило, меньше различных словесных ассоциаций с тем же словом-стимулом).

Рассмотрим частоту наиболее частых реакций на словесные стимулы в некоторых славянских, а также в английском и киргизском языках. Для анализа привлекаются данные, полученные в каждом из языков от тысячи испытуемых студентов (в болгарском эксперименте участвовало 524 человека, но для сравнимости данные пересчитаны на 1000). Количество слов, по которым имеются соответствующие данные, несколько колеблется (по 100 стимулов было взято в английском и польском экспериментах; 133 – в украинском, 119 – в болгарском, 141 – в киргизском, в русском данные имеются на 1000 человек по 85 стимулам; в белорусском взяты материалы по 110 стимулам, так как другие стимулы из опубликованных данных значительно отклонялись семантически от основной части; в основу всех списков был положен список Кент и Розанова, некоторые добавления к нему не изменили существенно семантическую и грамматическую основу списка). Английский эксперимент проводился в США в 1952 году, остальные – в 1960–1970 годах.

Сопоставительный материал приводится в табл. 6. В графе 1 таблицы представлена средняя частотность самой частой ассоциации по языкам. Как видим, она наиболее высока для американского эксперимента, где колеблется от 108 (*cheese – crackers*) до 840 (*table – chair*). Наиболее низка стандартность первой ассоциации из обследованных языков в русском, где колеблется от 77 (*лев – зверь; человек – умный*) до 414 (*голодный – волк*).

Таблица 6

Язык	Средняя частота самой частой ассоциации	Процент парадигматических ассоциаций среди самых частых	Средняя частота парадигматических ассоциаций среди самых частых	Средняя частота стигматических ассоциаций среди самых частых
Русский	157,1	24,7	135,5	164,2
Украинский	167,2	15,8	145,8	171,3
Белорусский	183,7	29,1	166,2	190,8

Язык	Средняя частота самой частой ассоциации	Процент парадигматических ассоциаций среди самых частых	Средняя частота парадигматических ассоциаций среди самых частых	Средняя частота стигматических ассоциаций среди самых частых
Болгарский	160,7	31,9	144,3	168,4
Польский	183,1	55,0	174,8	193,2
Киргизский	194,1	50,3	188,8	200,8
Английский	370,0	84,0	384,0	296,8

Психологи обращают довольно большое внимание на синтагматичность или парадигматичность ассоциаций, которая, видимо, зависит от ряда факторов. В русском, украинском, белорусском и болгарском экспериментах резко преобладали синтагматические ассоциации (типа *громкий – голос, луна – желтая*), в польском и киргизском наиболее частые ассоциации были примерно поровну синтагматическими и парадигматическими, а в американском эксперименте преобладали среди наиболее частых парадигматические ассоциации, к каковым принято относить реакции той же частью речи, что и стимул, не учитывая возможную интенцию испытуемого, так как она не поддавалась бы подсчетам (см. графу 2 таблицы). Важно отметить, что лишь в американском эксперименте средняя частота парадигматических ответов среди наиболее частых значительно (на четверть) выше, чем средняя частота синтагматических наиболее частых ответов. В остальных случаях дело обстоит наоборот, парадигматические ассоциации среди наиболее частых менее частотны, чем синтагматические ассоциации из той же группы.

Имеются ли возможности лингвистической интерпретации ассоциативных данных? Представляется, что да, причем такая интерпретация должна быть комплексной [Титова 1975], ибо ассоциативные, как и другие психолингвистические показатели, тем и ценны, что они интегрируют в себе различные лингвистические факторы. Так, высокая доля парадигматических ассоциаций в американском эксперименте объясняется, видимо, и как следствие аналитизма английского языка, а следовательно, меньшей грамматичности слова, и как проявление определенной готовности к лексико-парадигматическим заменам в процессе производства текста, т. е. более развитой парадигматичности лексикона. Под парадигматичностью лексикона можно понимать в этом случае глубину межсловесных связей в системе.

Поскольку предполагается, что лексическая системность имеет текстообразующую направленность [Супрун 1975, 6–7], межсловесные связи, такие как синонимия, антонимия, эквонимия и под., нужны для облегчения текстопроизводства. Ассоциативные структуры слова по-разному проявляют готовность слова к участию в текстопроизводстве: в одном случае в ответ на слово-стимул прежде всего всплывают в сознании возможные его спутники в тексте, в частности непосредственно сочетаемые с ним в тексте слова, а в другом – слова, которые могут при необходимости служить заменой стимула в тексте. В этом, видимо, существует различия преобладания синтагматических или парадигматических реакций на словесные стимулы в лингвистической интерпретации. Таким образом, о стандартности построения текстов свидетельствуют скорее синтагматические реакции, чем сосредоточенность ответов вокруг наиболее частого. И потому большая стандартность в этом плане показывается тем, что в англоязычном эксперименте синтагматические реакции, коль скоро они попадают на первое место (хотя и реже, чем парадигматические), оказываются намного более частотными, нежели синтагматические реакции в славянских языках. Можно думать, что этот ассоциативно-типологический показатель имеет количественный, статистический характер: дело не в отсутствии тех или иных явлений, а в большей распространенности, большей силе парадигматических связей в словаре, которая, таким образом, может рассматриваться и как грамматический, и как лексический показатель.

Одним из параметров лексической типологии, тесно связанных с ролью лексики в тексте, можно считать лексическую сочетаемость в широком понимании этого слова. Сочетаемость каждого слова соответствует плану содержания, причем синтактика является внутрilingвистическим показателем, тонко отражающим как различные смысловые оттенки слова, так и изменения этих оттенков. Исследование лексической сочетаемости по сути дела только начато. Очевидно, что сочетаемость отдельного слова с другим отдельным словом представляет первоочередной интерес в плане формирования устойчивых и идиоматичных сочетаний – фразеологизмов, но затруднительно было бы осуществить сплошной анализ индивидуальной сочетаемости отдельных слов, а тем более сравнивать между собой сочетаемость отдельных слов в различных языках.

В связи с этим предлагался анализ групповой сочетаемости отдельных слов или групп слов (скажем, способность существительных типа *дорога*, *тропа* употребляться с прилагательными типа *длинный*, *короткий*, *широкий*, *узкий* и т. п.) [Супрун, Плотников 1974]. Вероятно, подобного рода сопостав-

ления сочетаемости слов в двух языках могли бы показать как естественные сходства, так и определенные различия, вызванные различием значений сравниваемых слов, а также сложившимися нормами их использования. Скорее всего реально будет сравнивать индивидуально-групповую сочетаемость отдельных слов. Лишь после проведения такого рода специальных исследований возможно будет решить проблемы контрастивного и тем более типологического сопоставления дистрибутивных характеристик лексики в славянских языках, а также соотношений таких характеристик в славянских языках с характеристиками в неславянских. Вероятно, мог бы иметь типологическую ценность и такой показатель, как способность к образованию фразеологических сочетаний слов или их групп в отдельных языках (подобно тому как типологически релевантен показатель продуктивности словообразования на *базе* отдельных корней, основ или словообразовательных элементов). В связи с изучением сочетаемости имеет определенное значение вопрос о текстовых заменах слов, об использовании в рамках кратких фрагментов текста повторов, лексем, синонимов или местоимений.

Так, к примеру, если сравнить данные о частотности местоимения третьего лица в некоторых славянских и английском языках, то оказывается, что в английском частота этого местоимения существенно выше (33 промилле) по сравнению с частотой в проанализированных славянских языках (20 промилле в чешском и словацком, 26 – в белорусском и 28 промилле – в русском). Чешский и словацкий языки опережают другие названные по частотности указательных местоимений типа 'этот, тот' (27 промилле в чешском и 21 в словацком, в то время как в русском – 15 промилле, а в белорусском и английском – 14). Эти и подобные им различия характеризуют значительные различия в плане содержания соответствующих местоимений, а также в отражающем план содержания их использовании для текстуальных замен имен, т. е. в лексической структуре высказывания. А это существенно для понимания лексической типологии языка.

В связи с тем, что слово обладает не только планом содержания, но и планом выражения, уже ставился вопрос о внешней структуре слова в славянских языках [Лекомцева 1968, 277–295; Леков 1971], о сравнительном размере слова (выраженном в фонемах, слогах) и о других параметрах фонетического облика слова. Представляется, что и эти параметры имеют отношение как к контрастивному, так и к типологическому анализу лексики. Вполне вероятно, что славянские языки по этим параметрам не весьма различаются друг от друга, но возможно, что некоторые черты внешней структуры слова достаточно характерны именно для славянского слова (ср. закономерности организации звуковой структуры слова в связи

с тенденцией к восходящей звучности слога в праславянском и организацию звуковой структуры слова по принципу сингармонизма в большинстве тюркских языков, ср. также специфику пограничных сигналов между словами и т. п.). Разумеется, показатели внешней структуры слова должны отразиться в типологических характеристиках славянской лексики.

Расширение применения письменной и печатной формы текстов ставит вопрос о типологической характеристике графической формы слова. В конечном счете для типологии может быть, например, релевантно использование специальных начертаний, применяемых в конце слова, оказывающихся, таким образом, пограничными сигналами (ср. арабскую графику, начертание сигмы в греческом, использовавшиеся в русском письме прошлого века два написания «т» и под.), релевантно тогда и использование вариантных написаний для сигнализации начала слова или начала тех или иных семантически выделяемых слов (ср. начальные арабские буквы, заглавные буквы в начале собственных имен у одних славян, названий народов – у других, всех существительных в немецком при отсутствии особых заглавных букв в ряде алфавитов, например в грузинском). Можно говорить и о некоторых других чисто графических явлениях, которые в той или иной мере отражают специфически лексические явления (ср. написание точки после цифр, передающих порядковые прилагательные – числительные, в некоторых славянских языках и отсутствие таковой в других языках). Разумеется, все эти явления могут и должны рассматриваться как явления типологии графики, но вместе с тем внешний облик слова, как устный, так и письменный, едва ли должен сбрасываться со счетов при типологической характеристике, слова, а следовательно, и генеральной совокупности слов – лексикона в его функционировании.

Успехи в конкретных типологических исследованиях и теоретическое развитие основ типологии, с одной стороны, а также углубление познания лексиконов славянских языков, с другой стороны, привели к постановке на Московском (IV) международном конгрессе славистов вопроса о лексической типологии славянских языков в докладах В. Бланара и А. В. Исаченко [Бланар, Исаченко 1962, 27–29]. С тех пор эти проблемы остаются в поле зрения славистов, что получает отражение и на славистических конгрессах – в ответах на вопросы к Софийскому (V) конгрессу, в докладах Н. И. Толстого, М. И. Лекомцевой, Г. Кучеры и М. Тешителовой на Пражском (VI) конгрессе [VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968, 7, 73, 76, 79], в отдельных докладах на Варшавском (VII) и Загребском (VIII) конгрессах славистов. Проблематика типологии лексического состава славянских языков естественно связывается с развитием представлений о системном

характере лексикона, а также с применением в исследовании лексики таких современных методов, как компонентный, дистрибутивный, статистический, психолингвистический анализ. Вместе с тем создание за последние десятилетия крупных словарей славянских языков становится фундаментом для дальнейших типологических разысканий.

Однако типологические исследования славянского словаря большей частью ограничивались отдельными сторонами изучения лексикона, хотя и весьма интересными, ценными, но не охватывающими пока всей сложности огромной, многогранной и многомерной лексической системы, ее устройства, ее структуры и ее функционирования. Между тем наступает, вероятно, время для предварительных, но более разносторонних характеристик лексикона в сопоставительном, да и не только в сопоставительном плане.

Сопоставительное изучение лексики славянских языков, эмпирически начатое и осуществляемое в рамках переводных словарей, являющихся вместе с тем базой для более глубокого подхода к сопоставлению, может иметь различные аспекты. Возможно, как и в области грамматики, сопоставление лексики на базе сравнения текстов, принимаемых за эквивалентные (назовем такое изучение конфронтативным) [Супрун, Захарова 1968, 163–173; Супрун 1980, 97–129]; возможно сопоставление лексиконов некоторой пары языков, целью которого является получение данных именно об этой паре языков (назовем такое исследование контрастивным) [Ярцева 1981], возможно и сопоставление на более широкой базе, направленное на поиск общих или частых закономерностей, на вскрытие или проверку гипотетически выдвинутых универсалий [Типологическое изучение языков 1963; Успенский 1965; Новое в лингвистике 1970; Кацнельсон 1972], которое можно считать типологическим. При этом предполагается, что типологическая характеристика включает в себя как закономерности организации, структуры лексикона, так и особенности функционирования системы, а потому может осуществляться как на базе некоторой общей сетки дифференциальных признаков, так и путем сопоставления эквивалентных текстов.

Типологическая характеристика лексиконов славянских языков должна иметь, видимо, комплексный характер и включать в себя показатели, освещающие особенности лексики славянских языков в целом и каждого языка в отдельности с различных сторон и в разных планах. К настоящему времени вырисовывается следующий примерный состав параметров типологического описания славянского лексикона.

1. Количественная характеристика объема лексикона.
2. Представленность в лексиконе различных семантико-тематических сфер лексики, связанных с различными областями жизни носителей языка

и различными областями функционирования языка (что не всегда совпадает, так как возможно использование в некоторых областях жизни другого языка).

3. Статистическая структура лексикона: текстообразующая роль наиболее частых слов, в том числе наиболее частых полнозначных слов, соотношение частых и редких слов в тексте, количественное соотношение слов различных семантических и грамматических классов в тексте и в лексиконе и т. п.

4. Сходство различных сфер лексикона сопоставляемых языков по внешнему облику лексем и по плану содержания соответствующих слов с учетом разных статистических зон, разных частей речи, разных семантических группировок и т. д., а также обобщенные данные о сходствах и различиях слов в системе и в тексте, представленные в обобщенных количественных показателях.

5. Естественная грамматическая классификация лексикона по частям речи с учетом общности фундаментальных грамматических членений славянских словарей и своеобразия некоторых грамматических подтипов слов.

6. Морфемно-словообразовательная характеристика лексикона, в которой возможен учет продуктивности различных классов морфем и типов морфем, а также способов словообразования, таких, например, как словосложение, конденсация и т. п., а также мера осознаваемой носителями языка связности лексикона по морфемному строению.

7. Семантическая структура лексики в целом с точки зрения общих характеристик семантических группировок разного типа, развития и качественного своеобразия многозначности и омонимии, синонимии, эквонимии, антонимии.

8. Стилистическая стратификация лексики, соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики в лексиконе и в тексте, своеобразие стилистической маркированности лексики.

9. Ассоциативная характеристика лексики, включающая особенности словесного ассоциирования в плане смысловой стратегии ассоциирования, разнообразия направлений ассоциирования с различными лексическими стимулами, сосредоточенность или разбросанность ассоциирования («стандартность» ассоциирования и «стандартность» ассоциаций, направленных на текстопроизводство).

10. Своеобразие и общность лексической сочетаемости слов и их групп, особенности индивидуальной и групповой лексической сочетаемости, способность различных слов и их группировок к фразеобразованию. Лексическая сочетаемость на уровне текста: особенности совместной встречаемости слов в рамках текстовых фрагментов, допустимость повторов

и средства их избежания, своеобразие использования слов-заместителей – синонимов и местоимений.

11. Внешняя структура слова: длина слова и различных типов слов в фонемах и слогах, особенности начала и конца слова, своеобразие последовательностей фонем в составе слова, ограничения, накладываемые на такие последовательности, просодическая характеристика различных типов слов. Применительно к письменной форме речи возможны и графические типологические характеристики слова, связанные с отдельностью написания слова, своеобразием начальных, конечных начертаний букв, особых начертаний, передающих семантические компоненты слова, использование письменных аббревиатур, идеограмм и т. п.

Названные здесь типологические критерии имеют как количественный, так и качественный характер, для них применим в той или иной мере вероятностный или нежестко-множественный подход, поскольку язык, будучи специфически человеческим средством общения, обладает фундаментальным свойством нежесткости организации, которая обеспечивает возможность применения языка в новых условиях, т. е. творчества при помощи языка, а следовательно, и в языке, а вместе с тем объясняет изменчивость языка.

Множественность и разнообразие явлений лексики, возможность разностороннего к ним подхода, необходимость учета колоссального количества фактов даже в рамках одного языка, применение различных методов анализа лексики – все это ставит в порядок дня необходимость применения в исследовании лексики вообще, а лексической типологии в частности, автоматизации, которая, таким образом, рассматривается не только как элемент прикладных исследований, но и как необходимая часть теоретических исследований в области языкознания [Worth, Kozak, Johnson 1970; Караулов 1980 и др.].

В лексической типологии целесообразно видеть не самоцель, но часть общетипологического изучения языков вообще и славянских языков в частности. Представляется, что лексическая типология способна дать существенные элементы общей типологической характеристики языков.

Указанные здесь параметры нельзя рассматривать ни как обязательные, ни тем более как равнозначные компоненты типологического описания славянского слова и славянских лексиконов. Это лишь возможные параметры, выносимые на обсуждение. Иерархию этих показателей, их достаточно сложные взаимоотношения друг с другом можно будет установить тогда, когда возникнет возможность разносторонней и глубокой комплексной типологической характеристики лексиконов хотя бы некоторых славянских (да и неславянских) языков. Представляется, однако, что подобные цели

следует иметь в виду и теперь, решая насущные и очередные задачи лексикологических исследований, среди которых важно как углубление в историю лексикона, выяснение его происхождения, становления и развития, так и разбор структуры, организации, функционирования лексического состава языка на определенном этапе его истории в синхронном срезе.

Библиографические ссылки

- Белорусско-русский словарь / под ред. К. К. Крапивы. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962.
- Бланар В., Исаченко А. Проблемы сравнительной лексикологии славянских языков // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. 2. Проблемы славянского языкознания. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 27–29.
- Бутенко Н. П. Словник асоціативних норм української мови. Львів : Вища школа, 1979.
- Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Л. : Наука, 1968.
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М. : Междунар. отношения, 1977.
- Дмитрюк Н. В. Найчастіші асоціації у російській мові за даними 1000 опитуваних // Бутенко Н. П. Словник асоціативних норм української мови. Львів : Вища школа, 1979. С. 116–119.
- Звоти о работа председательства, секцийох и комиссийох у 1981 року. Творчосц. Рок V. Число 7. Нови Сад, 1981. Б. 37.
- Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavica. 1958. № 27. С. 334–352.
- Калюта А. М. Система отношений между наименованиями цвета в болгарском языке // Вестн. БГУ. 1978. Сер. 4. № 2. С. 53–56.
- Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М. : Наука, 1980.
- Карпов В. А. Лексическая сочетаемость в болгарском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1973.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972.
- Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск : МГПИИЯ, 1974.
- Леков И. Външна структура на думата в славянските езици. София : БАН, 1971.
- Лекомцева М. И. К типологии фонологических структур слова в славянских языках // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М. : Наука, 1968. С. 277–295.
- Мажэйка Н. С., Супрун А. Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Вусная народная творчасць. Мінск : Выд-ва БДУ, 1982.
- Мажэйка Н. С., Супрун А. Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Мастацкая проза. Мінск : Выд-ва БДУ, 1976.
- Мажэйка Н. С., Супрун А. Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Публіцыстыка. Мінск : Выд-ва БДУ, 1979.
- Новое в лингвистике. V (Языковые универсалии). М. : Прогресс, 1970.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во МГУ, 1977.

- Стойков Ст. Лексиката на банатския говор. София : БАН, 1968.
- Супрун А. Е., Захарова О. В. Типологическая сопоставительная грамматика и универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М. : Наука, 1968. С. 163–173.
- Супрун А. Е. Въпроси на типологичното съпоставяне на белоруска и българската лексика // Съпоставително езикознание. 1980. V. С. 4–11.
- Супрун А. Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики. Минск : Изд-во БГУ, 1975.
- Супрун А. Е. Лекции по лингвистике. Минск : Изд-во БГУ, 1980.
- Супрун А. Е. Сопоставительно-типологический анализ лексики // Методы изучения лексики / под ред. А. Е. Супруна. Минск : Изд-во БГУ, 1975.
- Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М. : Просвещение, 1971.
- Супрун А. Е., Плотников Б. А. Манифестация значения и его исследование // Проблемы семантики. М. : Наука, 1974. С. 255–262.
- Типологическое изучение языков // Новое в лингвистике. III. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. С. 7–121.
- Титова Л. Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе : Мектеп, 1975.
- Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М. : Наука, 1968. С. 339–365.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М. : Изд-во иностр. лит., 1960.
- Успенский Б. А. Структурная типология языков. М. : Наука, 1965.
- Цітова А. І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мінск : Выд-ва БДУ, 1981.
- Частотний словник сучасної української художньої прози. I–II. Київ – Наукова думка, 1981.
- Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М. : Рус. язык, 1977.
- Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М. : Наука, 1981.
- VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Resumé přednášek, příspěvků a sdělení. Praha : Academia, 1968.
- Jelínek J., Bečka J. V., Těšitelová M. Frekvence slov, slovních druhů a tvarů v českém jazyce. Praha : SPN, 1961.
- Jenkins J. J. The 1952 Minnesota Word Association Norms // Norms of Word Association / ed. by L. Postman and G. Keppel. New York ; London : Academic Press, 1970.
- Kurcz I. Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy Kent – Rosanoffa // Studia psychologiczne. Wrocław ; Warszawa ; Krakow : Ossolineum, 1967. VIII. S. 122–255.
- Kurcz I., Lewicki A., Sambor J., Woronczak J. Słownictwo współczesnego języka polskiego. Listy frekwencyjne. I. Teksty popularnonaukowe. Warszawa : PAN, 1974.
- Lewicki A., Masłowski W., Sambor J., Woronczak J. Słownictwo współczesnej publicystyki polskiej. Listy frekwencyjne. Warszawa : PAN, 1972.
- Mistrik J. Frekvencia slov v slovenčine. Bratislava : Vydavateľ'stvo SAV, 1969.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika. I. Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1970. S. XII.
- Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B. Russian Derivational Dictionary. New York : American Elsevier, 1970.